Научная статья
УДК 316.6
https://doi.org/10.21702/rpj.2026.2.2

Привязанность к матери, ресурсы устойчивости и копинг-стратегии подростков из полных и монородительских замещающих семей

Мария В. Залужная*, Елена А. Байер

Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Российская Федерация

* Почта ответственного автора: zaluzhnaya.mari@mail.ru

Аннотация

Введение. В Российской Федерации приоритетом социальной политики является семейное устройство детей-сирот, при этом фиксируется рост числа возвратов приемных детей в систему опеки, особенно из неполных замещающих семей. Исследования в России и за рубежом показывают, что воспитание в неполной семье может оказывать негативное влияние на социализацию, эмоциональное состояние и когнитивные способности ребенка; данное исследование направлено на анализ психологического благополучия и ресурсов устойчивости подростков, воспитывающихся в полных и монородительских замещающих семьях, с учетом их привязанности к значимым взрослым и профиля копинг-стратегий.

Методы. Исследование включало два этапа и охватило более 110 подростков из замещающих семей; на подготовительном этапе анализировались различия в психологическом благополучии, на основном – связи привязанности, ресурсов устойчивости и копинг-стратегий. В качестве методик применялись Шкала психологического благополучия К. Рифф, Опросник привязанности к родителям и сверстникам (IPPA), опросник COPE-30A, Краткая шкала резильентности и скрининговая версия теста жизнестойкости.

Результаты. Подростки из полных замещающих семей характеризуются более безопасной привязанностью к матери, более высоким психологическим благополучием, жизнестойкостью и резилентностью и менее выраженным использованием дезадаптивных копинг-стратегий по сравнению с подростками из монородительских

замещающих семей. Выявлено, что безопасная привязанность к матери и более высокие ресурсы устойчивости связаны с преобладанием активных и конструктивных копинг-стратегий (поиск социальной поддержки, планирование, активное совладание, позитивное переформулирование), тогда как снижение благополучия и ресурсов устойчивости сопряжено с более частым обращением к стратегиям избегания, отрицания и симптоматического «успокоения».

Обсуждение результатов. Укрепление привязанности «подросток – замещающая мать» и развитие ресурсов устойчивости могут выступать ключевыми направлениями психолого-педагогической помощи подросткам, воспитывающимся в замещающих семьях.

Ключевые слова

монородительская замещающая семья, полная замещающая семья, приемный подросток, психологическое благополучие, ресурсы устойчивости, копинг-стратегии, привязанность

Для цитирования

Залужная, М. В., & Байер, Е. А. (2026). Привязанность к матери, ресурсы устойчивости и копинг-стратегии подростков из полных и монородительских замещающих семей. *Российский психологический журнал, 23*(2), 21–39. https://doi.org/10.21702/rpj.2026.2.2

Введение

Вопросы поддержки семей с детьми занимают одно из приоритетных мест в государственной социальной политике Российской Федерации. В течение первой четверти XXI века в стране последовательно реализуется курс на развитие семейных форм жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. По данным Всероссийской инспекции по правам ребенка (2025), в настоящее время подавляющее большинство таких детей (около 86%) воспитываются в замещающих семьях. Подростки, воспитывающиеся в полных и монородительских замещающих семьях, остаются группой повышенного риска по психологическому неблагополучию и неблагоприятным жизненным исходам (Декина, Егоров, 2019), в том числе фиксируются случаи возвратов из семьи в систему опеки (Семья, 2021; Danpho, Thommachot, 2025; Furuhaug et al., 2024). Существенный массив исследований показал, что семейная структура, качество детско-родительской привязанности и субъективное психологическое благополучие подростка тесно связаны с его психическим здоровьем, поведенческими трудностями и академической адаптацией (Huffhines, Jackson, Stone, 2020; Tan et al., 2023; Abidin, Yudiana, Fadilah, 2022; Шамионов, 2009). Вместе

с тем недостаточно изучено, как именно структура замещающей семьи (полная или монородительская), характеристики привязанности к материнской фигуре и профиль копинг-стратегий соотносятся с ресурсами устойчивости (жизнестойкостью, резилентностью и компонентами психологического благополучия) подростков, воспитывающихся в условиях замещающего родительства, что и задает направленность настоящего исследования.

Показано, что статус одинокой замещающей матери может выступать значимым фактором риска, повышающим вероятность возврата ребенка из семьи в систему опеки (Семья, 2021); выявлена закономерность между частотой возвратов и семейным статусом замещающего родителя (Меркуль, Волчанская, 2021; Ослон и др., 2023). Эти данные указывают на необходимость более детального анализа психологического функционирования подростков, воспитывающихся в полных и монородительских замещающих семьях, с акцентом на их субъективное благополучие и ресурсы устойчивости (Danpho, Thommachot, 2025).

Одним из ключевых критериев успешной адаптации подростков рассматривается субъективное ощущение психологического благополучия, которое понимается как целостное и относительно стабильное переживание собственной жизни, формирующееся под влиянием самооценки, восприятия жизненной ситуации, качества социальных взаимодействий и соматического состояния (Abidin, Yudiana & Fadilah, 2022; Шамионов, 2009). Особое значение этот показатель приобретает в подростковом возрасте, который описывается как этап повышенного психосоциального риска, связанный с вероятностью академических трудностей, употребления психоактивных веществ и поведенческих проблем (Tan et al., 2023).

Одним из объяснений такой уязвимости является трансформация системы значимых отношений: влияние семьи частично ослабевает, в то время как роль сверстников возрастает, однако характер привязанности к сверстникам во многом опирается на ранний семейный опыт (Tan et al., 2023). Эмпирические исследования показывают, что крепкая детско-родительская привязанность связана с более благоприятным психическим здоровьем (Huffhines, Jackson, Stone, 2020; Козлов, 2025), тогда как отчуждение от родителей ассоциировано с ростом психологических трудностей и поведенческих проблем (Tan et al., 2023). При этом показано, что подростки, проживающие в приемных и других формах замещающих семей, в среднем характеризуются повышенным риском неблагоприятных физических и психических исходов по сравнению со сверстниками, воспитывающимися в биологических семьях (Danpho, Thommachot, 2025; Greeno, 2018; Furuhaug et al., 2024). В условиях замещающего родительства вопрос о том, как структура семьи (полная или монородительская) и качество привязанности к материнской фигуре соотносятся с субъективным благополучием и психологическими ресурсами подростков, остается недостаточно исследованным.

В настоящем исследовании ресурсы устойчивости подростков из замещающих семей рассматриваются как фундаментальная часть личностного потенциала, позволяющая

выдерживать стресс и неопределенность без деструктивных изменений ценностно-смысловой сферы (Леонтьев, 2016; 2023). Ресурсы устойчивости формируют «стержень личности», позволяющий подростку действовать в соответствии с собственными ценностями, несмотря на внешнее давление, и поддерживающий саморегуляцию и эффективность совладания (Леонтьев, 2023). Важно подчеркнуть, что ресурсы устойчивости не являются фиксированными: их можно целенаправленно развивать в процессе осознанной деятельности, психпросветительских программ и тренингов (Леонтьев, 2016, 2023).

В настоящей работе к ресурсам устойчивости относятся психологическое благополучие как интегральный показатель субъективной жизнеспособности (Леонтьев, 2016), жизнестойкость как система убеждений и установок, обеспечивающая вовлеченность в происходящее, и резилентность как способность сохранять стабильность и адаптироваться в неблагоприятных условиях (Маркова, Александрова, Золотарева, 2013). Зарубежная позитивная психология акцентирует внимание на развитии ресурсов личности (Seligman, 2002), а отечественные теории рассматривают личностный потенциал, саморегуляцию и субъективное благополучие как ключевые компоненты, влияющие на гармоничное взаимодействие с миром (Леонтьев, 2016; 2023; Васягина и др., 2023).

Целью исследования является комплексный анализ связей между характеристиками привязанности подростков из замещающих семей к значимым взрослым, ресурсами устойчивости (жизнестойкостью, резилентностью и компонентами психологического благополучия) и типами копинг-стратегий, а также выявление специфики этих показателей у подростков из полных и монородительских замещающих семей.

Методы

Исследование проводилось в два этапа, и в данной статье описан будет преимущественно второй этап. На первом (подготовительном) этапе исследования целью было выявление различий между качеством жизни подростков из полных и монородительских замещающих семей.

Подготовительный этап исследования

Эмпирическую базу исследования составили подростки, проживающие в замещающих семьях Ростовской области. Возраст респондентов пилотного исследования находился в диапазоне от 14 до 16 лет; в выборку вошли 69 человек (32 девочки и 37 мальчиков). Сбор данных осуществлялся в 2023–2025 годах. В качестве основного инструмента диагностического этапа использовался опросник «Шкала психологического благополучия» К. Рифф в адаптации Т. Д. Шевеленковой и П. П. Фесенко (2005).

По результатам подготовительного исследования выборка подростков разделилась в следующем соотношении: 42% респондентов из монородительских замещающих

семей, 58% подростков из полных замещающей семей; между группами проводился расчет непараметрического U-критерия Манна-Уитни (Таблица 1).

Таблица 1

Показатели значимости различий общего индекса психологического благополучия и его компонентов у подростков из полных и монородительских замещающих семей. (U-критерий Манна –Уитни)

Показатели психологического благополучия	Подростки из полных замещающих семей	Подростки из монородительских замещающих семей	Z	p-level
Общий индекс психологического благополучия	1622.5	792.5	-3.75	0.05
Положительные отношения	1392.5	1022.5	-0.09	0.05
Автономия	872.5	1542.5	-3.7	0.05
Управление окружением	1405.5	1009.5	-0.07	0.05
Личностный рост	1486.5	928.5	-1.07	0.05
Цель в жизни	1466	1012	-0.82	0.05
Самопринятие	1497	918	-3.21	0.05

Результаты предварительного анализа по критерию Манна–Уитни показали значимые различия по общему индексу психологического благополучия ($Z = -3.75$, $p < 0.05$), а также по шкалам «Автономия» ($Z = -3.70$, $p < 0.05$) и «Самопринятие» ($Z = -3.21$, $p < 0.05$): подростки из полных замещающих семей демонстрировали более высокий общий уровень психологического благополучия и более выраженное самопринятие по сравнению со сверстниками из монородительских замещающих семей. В то же время подростки из монородительских замещающих семей характеризовались более высоким уровнем автономии, что указывает на формирование у них большей самостоятельности и ориентированности на собственные решения.

Настоящее исследование проведено для того, чтобы, опираясь на предварительно выявленные различия в психологическом благополучии подростков из полных и монородительских замещающих семей, выявить, как структура семьи и качество привязанности к значимым взрослым связаны с ресурсами устойчивости и предпочитаемыми копинг-стратегиями.

Основное исследование

Были выдвинуты для проверки следующие гипотезы:

1. В замещающих семьях более безопасная привязанность к материнской фигуре связана с более высоким уровнем психологического благополучия и ресурсов устойчивости, а также с преобладанием адаптивных копинг-стратегий и меньшей выраженностью дезадаптивных копингов.
2. Подростки из полных замещающих семей демонстрируют более благоприятную привязанность к материнской фигуре по сравнению с подростками из монородительских замещающих семей, что сопровождается более высокими показателями психологического благополучия.
3. Подростки из монородительских замещающих семей отличаются менее выраженными ресурсами устойчивости и более частым использованием дезадаптивных копинг-стратегий, по сравнению с подростками из полных замещающих семей.

Методики

Психологическое благополучие оценивалось по методике «Шкала психологического благополучия К. Рифф» (1989) в русскоязычной адаптации Л. В. Жуковской и Е. Г. Трошихиной (2011). Анализировались шесть субшкал: автономность, компетентность, личностный рост, позитивные отношения, жизненные цели и самопринятие, и общий индекс психологического благополучия.

Для оценки привязанности к значимым взрослым использовался «**Опросник привязанности к родителям и сверстникам**» (Inventory of Parent and Peer Attachment, IPPA) G. Armsden и M. Greenberg (1987) в адаптации Н. В. Сабельниковой, Д. В. Каширского и Т. Ю. Садовниковой (2023). В настоящем исследовании анализировалась шкала привязанности к матери, субшкалы доверия, общения и отчуждения; и общий показатель привязанности.

Копинг-стратегии изучались с помощью **опросника COPE-30A**, авторы C. Carver, M. Scheier и J. Weintraub (1989), в адаптации М. А. Одинцовой и Н. П. Радчиковой (2024). Опросник включал 15 шкал, соответствующих адаптивным и дезадаптивным копинг-стратегиям.

Резилентность оценивалась с помощью **Краткой шкалы резильентности** (Brief Resilience Scale, BRS) B. Smith и соавт. (2008) в русскоязычной адаптации А. А. Золотаревой, Л. А. Александровой и В. И. Марковой (2022); рассчитывался общий показатель резильентности.

Жизнестойкость измерялась при помощи **Скрининговой версии теста жизнестойкости** S. Maddi и D. Khoshaba (1984, 2001) в адаптации Е. Н. Осина (2013); был рассчитан общий показатель жизнестойкости, вовлеченности, контроля и принятия риска.

Выборка

Исследование проводилось в очном формате среди подростков замещающих семей Ростовской области. Все участники и их родители/опекуны выразили добровольное согласие на сбор и обработку данных в анонимизированном, обобщенном виде. В исследовании приняли участие 47 подростков в возрасте от 12 до 17 лет (M = 15.8 лет, SD = 1.31). Выборка состояла из 25 девушек (53.2%) и 22 юношей (46.8%).

Респонденты воспитывались в четырех типах замещающих семейных систем. Наибольшая часть выборки была представлена подростками из полных семей (n = 21, 44.7%), далее следовали подростки из монородительских семей, где присутствует только мать (n = 22, 46.8%). Родственные замещающие семьи (где родителей замещали бабушка или тетя) включали 4 респондентов (8.5%). Большинство респондентов имели братьев и/или сестер: 25 подростков (40.4%) сообщили о наличии одного брата или одной сестры, а 13 участников (27.7%) указали на наличие двух и более сиблингов; полностью единственные дети составили 9 человек (19.1%) выборки. Средняя длительность проживания в текущей семейной системе составила 10.14 лет (SD = 7.16), все подростки на момент проведения исследования проживали в замещающих семьях не менее двух лет (Таблица 2).

Таблица 2
Характеристики выборки

Тип семьи	n	Возраст M (SD)	Диапазон возраста	Длительность проживания M (SD), лет
Монородительская (мама)	22	14.6 (1.31)	13–17	9.40 (4.68)
Полная	21	15.0 (1.25)	12–17	12.92 (10.10)
Родственная	4	15.2 (1.83)	12–17	7.03 (3.19)
Всего	47	15.8 (1.31)	12–17	10.14 (7.16)

Статистическая обработка данных

Статистическая обработка данных проводилась в пакете SPSS Statistics 27.0. Проверка данных по критерию Колмогорова–Смирнова показала отклонение большинства переменных от нормального распределения, поэтому для сравнения групп применялся непараметрический критерий Манна–Уитни, а для анализа взаимосвязей между показателями – коэффициент ранговой корреляции Спирмена.

Результаты

Различия между подростками из полных и монородительских семей

Подростки из родственных замещающих семей были дополнительно распределены в группы полных и монородительских семей, поэтому сравнивались группы подростков из монородительских семей (N = 22) и полных (N = 25) (Таблицы 3; 4; 5; 6).

Таблица 3

Различия между показателями привязанности к матери между подростками из монородительских и полных семей

Показатель	Тип семьи	N	Средний ранг	U	Z	p
Доверие (мать)	Монородительская	22	17.25	126.50	-3.177	0.001
	Полная	25	29.94			
Общение (мать)	Монородительская	22	17.45	131.00	-3.094	0.002
	Полная	25	29.76			
Отчуждение (мать)	Монородительская	22	28.59	174.00	-2.161	0.031
	Полная	25	19.96			
Общий показатель привязанности (мать)	Монородительская	22	17.20	125.50	-3.191	0.001
	Полная	25	29.98			

Подростки из полных семей демонстрируют более высокие уровни доверия (U = 126.50, Z = -3.18, p = 0.001), открытого общения с матерью (U = 131.00, Z = -3.09, p = 0.002) и более низкое отчуждение (U = 174.00, Z = -2.16, p = 0.031), чем подростки из монородительских семей, что выражается в более высоком общем показателе привязанности к матери (U = 125.50, Z = -3.19, p = 0.001).

Таблица 4

Различия между показателями психологического благополучия между подростками из монородительских и полных семей

Показатель	Тип семьи	N	Средний ранг	U	Z	p
Личностный рост	Монородительская	22	16.09	101.00	-3.721	0.000
	Полная	25	30.96			
Позитивные отношения	Монородительская	22	15.16	80.50	-4.153	0.000
	Полная	25	31.78			
Жизненные цели	Монородительская	22	14.18	80.50	-4.619	0.000
	Полная	25	32.64			
Самопринятие	Монородительская	22	16.23	104.00	-3.654	0.000
	Полная	25	30.84			
Общий показатель ПБ	Монородительская	22	14.50	73.50	-4.170	0.000
	Полная	25	31.06			

По всем ключевым компонентам психологического благополучия средние ранги значимо выше у подростков из полных семей: по шкалам «Личностный рост» (30.96 против 16.09; $U = 101.00$, $Z = -3.72$, $p < 0.001$), «Позитивные отношения» (31.78 против 15.16; $U = 80.50$, $Z = -4.15$, $p < 0.001$), «Жизненные цели» (32.64 против 14.18; $U = 80.50$, $Z = -4.62$, $p < 0.001$), «Самопринятие» (30.84 против 16.23; $U = 104.00$, $Z = -3.65$, $p < 0.001$), а также по общему индексу психологического благополучия (31.06 против 14.50; $U = 73.50$, $Z = -4.17$, $p < 0.001$).

Таблица 5

Различия между показателями жизнестойкости и резильентности между подростками из монородительских и полных семей

Показатель	Тип семьи	N	Средний ранг	U	Z	p
Вовлеченность	Монород.	22	17.02	121.50	-3.375	0.001
	Полная	25	30.14			
Контроль	Монород.	22	14.39	63.50	-4.546	0.000
	Полная	25	32.46			
Принятие риска	Монород.	22	17.43	130.50	-3.104	0.002
	Полная	25	29.78			
Жизнестойкость	Монород.	22	15.59	90.00	-3.950	0.000
	Полная	25	31.40			
Резилентность	Монород.	22	19.48	175.50	-2.129	0.033
	Полная	25	27.98			

Подростки из монородительских замещающих семей демонстрируют менее выраженные показатели жизнестойкости ($U = 90.00$, $Z = -3.95$, $p < 0.001$) и резильентности ($U = 175.50$, $Z = -2.13$, $p = 0.033$), которые в данной статье рассмотрены как ресурсы устойчивости личности: у подростков из монородительских замещающих семей, соответственно, ниже показатели вовлеченности ($U = 121.50$, $Z = -3.38$, $p = 0.001$), контроля ($U = 63.50$, $Z = -4.55$, $p < 0.001$), принятия риска ($U = 130.50$, $Z = -3.10$, $p = 0.002$), то есть, монородительские замещающие семьи ассоциированы с менее благоприятным профилем устойчивости и совладания подростков.

Таблица 6

Различия между показателями дезадаптивных копинг-стратегий между подростками из монородительских и полных семей

Показатель	Тип семьи	N	Средний ранг	U	Z	p
Мысленный уход от проблемы	Монород.	22	29.14	162.00	-2.452	0.014
	Полная	25	19.48			
Отрицание	Монород.	22	27.95	142.00	-2.897	0.004
	Полная	25	20.52			
Поведенческий уход от проблемы	Монород.	22	30.05	142.00	-2.897	0.004
	Полная	25	18.68			
Использование «успокоительных»	Монород.	22	30.30	156.50	-2.569	0.010
	Полная	25	18.46			

Далее, были рассмотрены различия в использовании дезадаптивных копинг-стратегий. Подростки из монородительских замещающих семей характеризуются более выраженным использованием дезадаптивных копинг-стратегий по сравнению с подростками из полных семей. Так, у них выше показатели по шкале «Мысленный уход от проблемы» ($U = 162.00$, $Z = -2.45$, $p = 0.014$), «Отрицание» ($U = 142.00$, $Z = -2.90$, $p = 0.004$), «Поведенческий уход» ($U = 142.00$, $Z = -2.90$, $p = 0.004$) и «Использование успокоительных» ($U = 156.50$, $Z = -2.57$, $p = 0.010$).

Таблица 7

Корреляционные связи между ключевыми шкалами исследования

Копинг-стратегия	Псих. благопо-лучие	Жизне-стойкость	Резилент-ность	Привязанность к матери
Позитивное перефор-мулирование и личностный рост	.404**	.311*	.362*	
Мысленный уход от проблемы	-.449**	-.515**	-.369*	-.461**
Использование инструментальной социальной поддержки	.538**	.500**	.431**	.614**

Копинг-стратегия	Псих. благопо-лучие	Жизне-стойкость	Резилент-ность	Привязанность к матери
Активное совладание	.468**	.384**		.384**
Отрицание	-.368*	-.472**		-.513**
Поведенческий уход от проблемы	-.449**	-.511**	-.296*	-.508**
Использование эмоциональной социальной поддержки	.462**	.300*		.466**
Использование «успокоительных»	-.647**	-.670**	-.396**	-.569**
Принятие	-.497**	-.517**	-.365*	-.378**
Подавление конкурирующей деятельности	.439**	.328*	.428**	.496**
Планирование	.524**	.501**		.553**

Примечание. * – p<0,05, ** – p< 0,01

Большинство выявленных корреляций находятся в диапазоне от умеренных до высоких, что указывает на психологически значимую сопряженность ресурсов устойчивости и профиля копинг-поведения. Результаты корреляционного анализа указывают на то, что ресурсы устойчивости и качество привязанности к матери задают общий «фон» копинг-поведения подростков из замещающих семей. Чем выше психологическое благополучие, жизнестойкость и резилентность, а также чем более безопасной воспринимается привязанность к матери, тем чаще подростки прибегают к активным и конструктивным стратегиям совладания со стрессом.

Более высокий уровень привязанности к матери сопряжен с большей выраженностью ряда адаптивных копинг-стратегий: при росте показателя по шкале «Привязанность к матери» подростки чаще используют «Инструментальную социальную поддержку» ($r = 0.614$, $p < 0.01$), «Эмоциональную социальную поддержку» ($r = 0.466$, $p < 0.01$), а также «Подавление конкурирующей деятельности» ($r = 0.496$, $p < 0.01$) и «Планирование» ($r = 0.553$, $p < 0.01$), то есть, чем более безопасная

привязанность к значимому взрослому, тем большая вероятность того, что подросток будет искать помощь, структурировать свои действия и целенаправленно справляться со стрессовой ситуацией.

По мере повышения показателей ресурсов устойчивости также усиливается опора на адаптивные копинги. Так, чем выше психологическое благополучие, тем чаще подростки используют «Инструментальную социальную поддержку» ($r = 0.538$, $p < 0.01$), «Планирование» ($r = 0.524$, $p < 0.01$), «Активное совладание» ($r = 0.468$, $p < 0.01$), «Эмоциональную социальную поддержку» ($r = 0.462$, $p < 0.01$) и «Позитивное переформулирование и личностный рост» ($r = 0.404$, $p < 0.01$). Аналогичным образом, чем выше жизнестойкость, тем чаще в репертуаре подростков оказываются данные копинг-стратегии. При повышении резильентности также возрастает частота использования «Инструментальной социальной поддержки» ($r = 0.431$, $p < 0.01$), «Активного совладания» ($r = 0.384$, $p < 0.01$) и «Эмоциональной социальной поддержки» ($r = 0.466$, $p < 0.01$).

На противоположном полюсе находятся дезадаптивные копинг-стратегии, частота использования которых возрастает по мере снижения ресурсов устойчивости и ухудшения качества привязанности к матери. Чем ниже психологическое благополучие, жизнестойкость, резилентность и чем выше отчуждение от матери, тем чаще подростки прибегают к стратегии «Мысленный уход от проблемы» (связи с психологическим благополучием $r = -0.449$, жизнестойкостью $r = -0.515$, резилентностью $r = -0.369$, привязанностью к матери $r = -0.461$; $p < 0.05$) и «Поведенческому уходу от проблемы» ($r = -0.449$, $r = -0.511$, $r = -0.296$, $r = -0.508$ соответственно; $p < 0.05$).

Чем ниже психологическое благополучие, жизнестойкость, резилентность и привязанность к матери, тем более выражена у подростков преимущественно пассивная установка по шкале «Принятие» (r с психологическим благополучием = -0.497, с жизнестойкостью = -0.517, с резилентностью = -0.365, с привязанностью к матери = -0.378; $p < 0.05$), что позволяет рассматривать такой вариант принятия как дезадаптивный копинг в выборке подростков из замещающих семей. Аналогично, при отчуждении от матери возрастает частота обращения к стратегии «Отрицание» ($r = -0.513$, $p < 0.01$), и чем ниже психологическое благополучие и жизнестойкость, тем чаще подростки игнорируют или обесценивают проблемы ($r = -0.368$ и $r = -0.472$ соответственно, $p < 0.05$).

В целом результаты показывают, что подростки из монородительских замещающих семей характеризуются большим отчуждением от матери, более низким психологическим благополучием, жизнестойкостью и резилентностью, а также более выраженным использованием дезадаптивных копинг-стратегий по сравнению с подростками из полных замещающих семей. Одновременно установлено, что более высокий уровень психологического благополучия, жизнестойкости, резильентности и более безопасная привязанность к матери сопряжены с более частым использованием адаптивных копинг-стратегий (поиск социальной поддержки, планирование, активное

совладание, позитивное переформулирование) и менее частым обращением к стратегиям избегания, отрицания и симптоматического «успокоения».

Обсуждение результатов

В нашей выборке более безопасная привязанность к матери была связана с более высоким уровнем психологического благополучия, жизнестойкости и резильентности, а также с преобладанием адаптивных копинг-стратегий и менее выраженным использованием дезадаптивных способов совладания. Этот паттерн согласуется с данными о том, что устойчивые и надежные взаимоотношения с родителями выступают значимым предиктором социальной адаптации подростков вне зависимости от типа семьи (полной или монородительской) (Капустина, 2017) и что отношения привязанности между родителем и ребенком непосредственно влияют на благополучие детей, определяют направление как позитивного, так и негативного социально-эмоционального развития (Saarni et al., 2008; Huffhines, Jackson, Stone, 2020).

Сравнение подростков из полных и монородительских замещающих семей показало, что у подростков из полных семей более благоприятный профиль привязанности к материнской фигуре, который сопровождается более высокими показателями психологического благополучия и ресурсов устойчивости. Эти данные коррелируют с исследованиями, указывающими на уязвимость подростков, воспитывающихся в монородительских, или, иначе, неполных семьях (Joseph et al., 2014). Неполная семья традиционно описывается как семья, в которой из-за расторжения брака, раздельного проживания супругов или смерти одного из родителей ребенок воспитывается одним из взрослых (Прокофьева, Корчагина, 2020; Choi, 2018). В такой семейной структуре существенно меняется конфигурация семейных ролей и объем доступной ребенку эмоциональной и поведенческой поддержки (Goldman Mellor et al., 2016).

Ряд работ показывает, что подростки из неполных семей чаще демонстрируют более агрессивное и подчиненное поведение и менее выраженную ассертивность по сравнению со сверстниками из полных семей (Usakli, 2013). Отечественные исследования также фиксируют у детей из неполных семей повышенный уровень тревожности, депрессивности, враждебности и трудностей в общении (Головей и др., 2016). Описываются такие характеристики, как повышенная тревожность, обостренное чувство долга, экспрессивность, сниженный самоконтроль и повышенная агрессивность (Канарейкина, Сорокина, 2016), а также более частые проявления низкой самооценки, чувства отверженности и обиды, низкой успеваемости, замкнутости и тревожности, при одновременной ориентации на советы сверстников как на основной источник поддержки (Сидорина, Смирнова, 2016). Отдельные исследования подчеркивают, что для подростков из монородительских семей большую значимость приобретают внешние критерии успешности – карьера, социальный статус, тогда как их сверстники из полных семей в большей степени ориентируются на внутренние качества, такие как независимость, толерантность и способность прощать (Холодкова, Савченко, 2016).

Подростки, живущие в монородительских семьях, характеризуются более низким качеством привязанности к родителям по сравнению со сверстниками из полных семей и чаще сталкиваются с кризисом доверия и ригидностью в отношениях с родителями (Tan et al., 2023; Abedini, 2017). Наши данные о более низких показателях доверия и общения и более высоком отчуждении в монородительских замещающих семьях согласуются с этими выводами и свидетельствуют о том, что специфика замещающего родительства не нивелирует общие риски, сопровождающие неполную семейную структуру.

В условиях монородительства у замещающего родителя, как правило, меньше эмоциональных, временных и организационных ресурсов для поддержания устойчивого эмоционального контакта, что может приводить к фрагментарности взаимодействия и усилению переживания отчужденности у подростка. Это, в свою очередь, отражается на ресурсах устойчивости: менее выраженные вовлеченность, субъективный контроль и готовность к принятию риска у подростков из монородительских семей свидетельствуют о более уязвимом профиле устойчивости, при котором подростки в меньшей степени воспринимают себя как субъектов, способных влиять на происходящее, и реже рассматривают сложные ситуации как потенциально преодолимые или развивающие. На фоне сниженных ресурсов устойчивости подростки из монородительских замещающих семей чаще могут прибегать к дезадаптивным копинг-стратегиям – мысленному и поведенческому уходу от проблемы, отрицанию, использованию «успокоительных». Ориентация на избегание и симптоматическое снижение напряжения хорошо согласуется с описаниями эмоциональной уязвимости детей из неполных семей, у которых чаще фиксируются тревожные, депрессивные и поведенческие нарушения, а также трудности саморегуляции (Usakli, 2013; Falana et al., 2012; Головей и др., 2016). В работах, посвященных монородительским семьям, подчеркивается, что эмоциональная травматизация и дефицит родительского внимания могут приводить к недостаточной освоенности конструктивных стратегий совладания и повышению склонности к дезадаптивному поведению (Falana et al., 2012), что резонирует с полученным в нашем исследовании паттерном.

Вместе с тем нельзя рассматривать неполную или замещающую семью как однозначно дисфункциональную. Ряд исследований показывает, что при наличии поддерживающей эмоциональной атмосферы и позитивных отношений с взрослыми дети и подростки, выросшие в сложных семейных условиях, могут демонстрировать достаточно высокий уровень самосознания и позитивного образа «Я» (Павлов, 2016; Huffhines, Jackson, Stone, 2020). Благоприятная эмоциональная атмосфера, основанная на эмпатии и понимании, признается одним из ключевых условий гармоничного развития ребенка, однако показано, что значительная часть родителей испытывает трудности в установлении эмоционального контакта с детьми (Головей и др., 2016). Наши результаты, подтверждающие роль безопасной привязанности к замещающей матери в поддержании психологического благополучия и ресурсов устойчивости, вписываются в эту логику и подчеркивают критическую значимость качества взаимоотношений, а не только формальной структуры семьи.

Особое место в интерпретации полученных данных занимает концепция позитивной психологии. В соответствии с исходной идеей M. Seligman акцент в изучении психического здоровья смещается с коррекции дефицитов на развитие позитивных качеств и ресурсов (Seligman, 2002). В этой парадигме субъективное благополучие рассматривается как фундаментальный конструкт, отражающий восприятие человеком собственного функционирования с позиции максимального раскрытия потенциала (Ryff, 2014). Д. А. Леонтьев в рамках подхода к личностному потенциалу рассматривает его как показатель зрелости личности, ключевым элементом которой является самодетерминация; важными характеристиками, определяющими личностный потенциал и влияющими на психологическое благополучие, выступают автономность, жизнестойкость, оптимизм, уверенность, субъективный контроль и устойчивость к неопределенности (Леонтьев, 2016). Наши результаты, демонстрирующие тесную связь ресурсов устойчивости (жизнестойкости и резильентности) с профилем копинг-поведения подростков, согласуются с этим подходом и показывают, что в условиях замещающего родительства именно внутренние ресурсы личности, опирающиеся на безопасную привязанность, связаны с выбираемыми подростками копинг-стратегиями.

Практические следствия проведенного исследования заключаются, прежде всего, в необходимости целенаправленного укрепления привязанности «подросток – замещающая мать», особенно в монородительских семьях. Программы психолого-педагогического сопровождения могут включать развитие более предсказуемого, эмоционально теплого и открытого взаимодействия, снижение отчуждения и укрепление доверия, что соответствует рекомендациям, содержащимся в работах о роли позитивных отношений взрослых в поддержании психического здоровья подростков (Saarni et al., 2008; Huffhines, Jackson, Stone, 2020). Одновременно результаты подчеркивают необходимость развития ресурсов устойчивости подростков – жизнестойкости и резильентности – через тренинги смыслообразования, развитие навыков преодоления фрустрации и осмысленного принятия риска, что согласуется с представлениями о возможности укрепления ресурсов личностного потенциала и устойчивости в рамках целенаправленных интервенций (Леонтьев, 2016; Danpho, Thommachot, 2025).

При интерпретации полученных данных следует учитывать ряд ограничений. Объем выборки относительно невелик, что снижает статистическую мощность анализа и ограничивает возможности генерализации результатов на более широкие группы подростков из замещающих семей. Кроме того, кросс-секционный дизайн не позволяет делать однозначные выводы о причинно-следственных связях между структурой семьи, качеством привязанности, ресурсами устойчивости и копинг-поведением. Тем не менее выявленные закономерности согласуются с существующими данными о связи монородительской семейной структуры и качества привязанности с психологическим благополучием подростков и задают перспективные направления для дальнейших лонгитюдных и интервенционных исследований.

Литература

Васягина, Н.Н., Баринова, Е.С., Григорян, Е.Н., & Шемпелева, Н.И. (2023). Связь риска суицидального поведения и личностных ресурсов обучающихся. *Национальный психологический журнал, 18*(1), 114–125. https://doi.org/10.11621/npj.2023.0110/

Головей, Л. А., Василенко, В. Е., & Савенышева, С. С. (2016). Структура семьи и семейное воспитание как факторы развития личности дошкольника. *Социальная психология и общество, 7*(2), 5–18. https://doi.org/10.17759/sps.2016070201

Декина, Е. В., & Егоров, В. С. (2019). Изучение детско-родительских отношений в замещающей семье. *Гуманитарно-педагогические исследования, 3*(3), 18–25. URL: https://gpi.magtu.ru/ru/archive/24-3-2019/149-3-3-18-25.html

Осин, Е. Н. (2013). Факторная структура краткой версии Теста жизнестойкости. *Организационная психология, 3*. URL: https://orgpsyjournal.hse.ru/2013-3-3/117908592.html

Канарейкина, Т. А., & Сорокина, Е. М. (2016). Особенности личностного развития и агрессивного поведения девочек-подростков из неполных семей. *Глобальный научный потенциал, 4*, 5–9. URL: http://globaljournals.ru/assets/files/journals/global-scientific-potential/61/g-n-p-4(61)-main.pdf

Капустина, В. А. (2017). Социально-психологические детерминанты процесса социализации подростков из полных и неполных семей. *Психолог, 1*.

Жуковская, Л. В., & Трошихина, Е. Г. (2011). Шкала психологического благополучия К. Рифф. *Психологический журнал, 2*.

Козлов, М.Ю. (2025). Теория привязанности и физическое благополучие. *Национальный психологический журнал, 20*(3), 125–135. https://doi.org/10.11621/npj.2025.0310

Леонтьев, Д. А. (2023). Личностный потенциал: оптика психологии. *Образовательная политика, 2*(94), 20–31.

Леонтьев, Д. А. (2016). Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал. *Сибирский психологический журнал, 62*, 18–37.

Одинцова, М. А., & Радчикова, Н. П. (2024). COPE-30A: краткая версия методики изучения копинг-стратегий для подростков 12–18 лет. *Психолого-педагогические исследования, 3*.

Маркова, В. И., Александрова, Л. А., & Золотарева, А. А. (2022). Русскоязычная версия краткой шкалы резилентности: психометрический анализ на примере выборок студентов, многодетных родителей и родителей детей с инвалидностью. *Национальный психологический журнал, 1*(45), 65–75. https://doi.org/10.11621/npj.2022.0106

Меркуль, И. А., & Волчанская, В. О. (2021). Актуальные проблемы социализации детей-сирот, детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из числа детей-сирот. *Психологическая наука и образование, 26*(6), 189–199. https://doi.org/10.17759/pse.2021260615

Сабельникова, Н. В., Каширский, Д. В., & Садовникова, Т. Ю. (2023). Русскоязычная версия «Опросника привязанности к родителям и сверстникам» Г. Армсдена и М. Гринберга. *Психологический журнал, 3*. https://doi.org/10.31857/S020595920024910-7

Ослон, В. Н., Одинцова, М. А., Семья, Г. В., Зайцев, Г. О., & Колесникова, У. В. (2023). Субъективное благополучие молодых людей из числа детей-сирот в условиях перехода в самостоятельную жизнь. *Психология и право, 13*(4), 272–293. https://doi.org/10.17759/psylaw.2023130419

Павлов, И. В. (2016). Характеристики самосознания юношей и девушек из полных и неполных семей. *Вестник БарГУ. Серия: Педагогические науки. Психологические науки. Филологические науки, 4*, 66–71.

Прокофьева, Л. М., & Корчагина, И. И. (2020). Неполные семьи с детьми в России: Масштабы распространения и материальная поддержка. *Международный журнал гуманитарных и естественных наук, 9*(1).

Семья, Г. В. (2021). Сравнительный анализ постинтернатной адаптации выпускников из числа детей-сирот, оставшихся без попечения родителей: Двадцать лет спустя. *Психология и право, 11*(4), 25–41. https://doi.org/10.17759/psylaw.2021110403

Сидорина, Е. В., & Смирнова, Н. С. (2016). Особенности социализации младших подростков в полных и неполных семьях. *Современные научные исследования и инновации, 7*.

Холодкова, О. Г., & Савченко, Ю. И. (2016). Ценностные ориентации подростков из неполных семей. *Вестник Алтайского государственного педагогического университета, 2*(27), 81–85.

Шамионов, Р. М. (2009). Самосознание и субъективное благополучие личности. В *Современные проблемы общей и социальной психологии: Сборник научных статей* (с. 41–52).

Шевеленкова, Т. Д., & Фесенко, П. П. (2005). Психологическое благополучие личности (обзор концепций и методика исследования). *Психологическая диагностика, 3*, 95–129.

Abidin, F. A., Yudiana, W., & Fadilah, S. H. (2022). Parenting style and emotional well-being among adolescents: the role of basic psychological needs satisfaction and frustration. *Frontiers in psychology*, *13*, 901646. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2022.901646

Choi, A. (2018). *Emotional well-being of children and adolescents: Recent trends and relevant factors* (OECD Education Working Paper No. 169). OECD. URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2018/02/emotional-well-being-of-children-and-adolescents_a4aee966/41576fb2-en.pdf

Danpho, W., & Thommachot, P. (2025). Factors related to resilience of adolescents living in out-of-home care settings in Bangkok. *BMJ Paediatrics Open, 9*(1), e003238. https://doi.org/10.1136/bmjpo-2024-003238

Falana, B. A., Bada, F. O., & Ayodele, C. J. (2012). Single-parent family structure, psychological, social and cognitive development of children in Ekiti State. *Journal of Educational and Developmental Psychology, 2*(2), 158–164. https://doi.org/10.5539/jedp.v2n2p158

Huffhines, L., Jackson, Y., & Stone, K. J. (2020). Internalizing, externalizing problems and psychiatric hospitalizations: Examination of maltreatment chronicity and coping style in adolescents in foster care. *Journal of Child & Adolescent Trauma, 13*(4), 429–441. https://doi.org/10.1007/s40653-020-00305-1

Joseph, M. A., O'Connor, T. G., Briskman, J. A., Maughan, B., & Scott, S. (2014). The formation of secure new attachments by children who were maltreated: An observational study of adolescents in foster care. *Development and Psychopathology, 26*(1), 67–80. https://doi.org/10.1017/S0954579413000540

Ryff, C. D. (2014). Psychological well-being revisited: Advances in the science and practice of eudaimonia. *Psychotherapy and Psychosomatics, 83*(1), 10–28. https://doi.org/10.1159/000353263

Saarni, C., Campos, J., Camras, L., & Witherington, D. (2008). Principles of emotion and emotional competence. In W. Damon & R. Lerner (Eds.), *Child and adolescent development: An advanced course* (pp. 361–405). Wiley. URL: https://discovered.ed.ac.uk/discovery/fulldisplay/alma9925188696602466/44UOE_INST:44UOE_VU2

Seligman, M. E. P. (2002). *Authentic happiness: Using the new positive psychology to realize your potential for lasting fulfillment*. Free Press. URL: https://psycnet.apa.org/record/2002-18216-000

Tan, R., Yang, Y., Huang, T., Lin, X., & Gao, H. (2023). Parent-child attachment and mental health in young adolescents: A moderated mediation analysis. *Frontiers in Psychology, 14*, 1298485. https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1298485

Usakli, H. (2013). Comparison of single and two parents children in terms of behavioral tendencies. *International Journal of Humanities and Social Science, 3*(8), 256–270. URL: https://ijhss.thebrpi.org/journals/Vol_3_No_8_Special_Issue_April_2013/26.pdf

Поступила в редакцию: 12.11.2025
Поступила после рецензирования: 15.12.2026
Принята к публикации: 12.01.2026

Заявленный вклад авторов

Мария Васильевна Залужная – разработка концепции исследования, сбор, обработка и анализ материалов, подготовка первоначального варианта текста.

Елена Александровна Байер – разработка концепции исследования, научное консультирование, интерпретация результатов, критическое редактирование текста.

Информация об авторах

Мария Васильевна Залужная – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры «Социальные и спортивные педагогические технологии», факультета «Психология, педагогика и дефектология», Донской государственный технический университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-8739-7586, e-mail: zaluzhnaya.mari@mail.ru

Елена Александровна Байер – доктор педагогических наук, профессор, заведующий кафедрой «Социальные и спортивные педагогические технологии», факультета «Психология, педагогика и дефектология», Донской государственный технический университет (Российская Федерация, 344003, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1, ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1738-1124, e-mail: elenabaier@list.ru

Информация о конфликте интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.